

Общественно-политический журнал «Прорыв»

**Проблемы овладения
марксистским учением об
обществе как форме материи**

А. Иванов

2019 год

Главный порок практически всех представителей современной марксистской школы, в т.ч. ортодоксальных, состоит в превратном понимании *диаматики объективного и субъективного* в обществе. Так, например, в левой среде используется буквальная трактовка: «производственные отношения — совокупность материальных, не зависящих от сознания людей, экономических отношений, в которые люди вступают между собой в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления» [цитата по т. н. «Энциклопедии марксизма»].

Если держаться за это положение как за стенку и идти дальше, то либо коммунизм вообще невозможен (т.к. не зависящие от сознания и воли коммунистические отношения возможны только в первобытном состоянии общества), либо производственные отношения коммунизма должны возникнуть автоматически, прийти на смену буржуазным сами собой в условиях диктатуры рабочего класса, которая ликвидировала эксплуатацию посредством государственного принуждения.

Однако, отнесясь к теоретическому наследию классиков не как к поваренной книге или перечню мудрых цитат, мы обнаружим, что коммунистические производственные отношения не могут образовываться сами собой объективно, возникнуть в условиях диктатуры рабочего класса просто потому, что власть находится в руках трудящихся, а класс капиталистов лишён права собственности на средства производства.

Практика СССР второй половины XX в. наглядно показала, что удержание власти рабочим классом само по себе не приводит к возникновению производственных отношений коммунизма, что производственные отношения даже в условиях ликвидации эксплуатации и формального обобществления средств производства продолжают оставаться в известной пропорции некоммунистическими. Абстрагируясь от несовершенства системы

централизованного планирования, необходимо отметить, что часть советских работников и в сталинский и в постсталинский период вступали в общественные отношения со всеми остальными людьми в СССР по поводу производства и распределения материальных и духовных благ зачастую как пролетарии, т. е. старались взять от работодателя в лице общества побольше, а дать ему поменьше. Характер такого рода производственных отношений в условиях социализма, влияющий не только на производительность труда, но и на потенциал расширенного воспроизводства общества в целом (а от этого прямо зависели: эффективность планирования, применения производительной техники и технологии производства, реализация потенциала каждой личности, включая и возможность перехода от преимущественно физического и рутинного труда к творческому и научному труду), являлся продуктом *идущей классовой борьбы в базисе общества*, борьбы коммунизма с традициями и силами старого общества. А экономическая политика КПСС после Сталина, нацеленная на материальную заинтересованность трудящихся, вопреки реляциям становилась тормозом строительства коммунизма.

Вместе с тем, до наступления андроповских экономических реформ большинство советских работников были фактически революционными романтиками, т. е. людьми, довольствовавшимися минимумом необходимых бытовых средств, а отдававших обществу всё, что могли, тем более в годы «военного коммунизма» и Великой Отечественной войны. При ином отношении трудящихся к социализму победы над белогвардейцами, интервентами, кулаками, троцкистами, фашистами были бы практически невозможны.

Однако денежная форма хозрасчёта, в т.ч. его пропаганда в многочисленных романах и фильмах некоторых безграмотных и безнравственных условно-советских художественных ремесленников, оказывала всё более сильное влияние на мораль и сознание советских тружеников умственного и физического труда, разлагая их, формируя

отряд стяжателей, рвачей и несунов. К сожалению, кадры КПСС, особенно техническая интеллигенция, не владея теорией марксизма, были не способны поддерживать общую дисциплину своих подчиненных иначе, как материальными стимулами, которые ещё больше развращали, особенно молодёжь.

Сегодняшнему российскому пролетарию, в т.ч. пожившему в обществе первой фазы коммунизма, чрезвычайно сложно обосновать разницу между капитализмом и социализмом с точки зрения производственных отношений, ведь он воспринимает ситуацию так, что и там, и здесь ему необходимо ходить на работу, за выполнение которой он получает долю общественного богатства в частное потребление. Поэтому левые часто ограничиваются лишь пропагандой преимуществ коммунизма в виде доступности образования, медицины и более зажиточной жизни трудящихся, т. е. большей доли общественного богатства, гарантированной в условиях диктатуры рабочего класса. Но разве в этом состоит сущностное отличие? У таких левых получается не коммунизм, а своего рода безбедный капитализм с «государством вместо капиталистов». Либералы и патриоты потирают руки с возгласами: «мы же вам говорили, что социализм — то же самое, что капитализм, только вместо предпринимателей вас будет эксплуатировать государство».

Кроме опыта СССР, на наших глазах в Китае, Вьетнаме и Лаосе разворачивается примерно такая же практика — диктатура рабочего класса имеется, социалистический сектор в переходном периоде играет решающую роль в экономике этих стран, национальный доход по большей части обращается в пользу трудящихся, но производственные отношения коммунизма в госсекторе сами собой не возникают. Некоторые скажут: может быть, они возникнут, если коммунистические партии этих стран обобществят все средства производства и ликвидируют рынок. Отнюдь, во-первых, эти страны уже располагали плановой централизованной экономикой с запретом

права частной собственности на средства производства, во-вторых, имеется пример постсталинского СССР, доказавший обратное. Поэтому национализировать средства производства, т. е. формально их обобществить, для строительства коммунизма необходимо, но не достаточно.

Из буквального понимания объективности производственных отношений следует независимость от сознания и воли людей процесса формирования производственных отношений коммунизма, а значит по логике таких «марксистов» достаточно ликвидировать класс капиталистов *формально*, т. е. обратить средства производства в собственность диктатуры рабочего класса, и коммунистические производственные отношения возникнут между работниками сами собой, ведь не будет ни капиталистов, ни наёмного труда. Отсюда логически следует вывод, что главное для диктатуры рабочего класса — это развивать материально-техническую базу, создавать технически более совершенные орудия производства, а отношения между людьми по поводу производства и потребления материальных и духовных благ на этой основе сами сложатся как коммунистические. Между прочим, примерно такой подход и реализовывался оппортунистами КПСС.

В реальности, какие бы совершенные средства производства ни давались в руки привыкшим к эксплуатации и не сознающим *необходимость коммунизма* трудящимся, они в значительной части продолжают работать по-капиталистически, «на дядю». Это, не говоря о том, что овладение высокой техникой требует высокой образованности, а употребление данной техники оптимальным способом требует творческого подхода и самоотдачи. Ни то, ни другое практически не достижимо как по принуждению или вынуждению, так и по разгильдяйству, а является результатом добровольного осознанного стремления высококомпетентного работника.

Вместе с невниманием к данным теоретическим и историческим фактам забывается, что Ленин уже во время гражданской войны

рассмотрел в молодой советской экономике *ростки коммунизма* и призывал хвататься за них, культивируя данные начинания. Всё ещё остаётся теоретически не вполне освоенным сталинский опыт зарождения коммунистических производственных отношений в форме стахановского движения. Вдобавок, преступно небрежное освещение получает вопрос, за счёт реализации каких качеств социальных отношений были достигнуты в рекордные сроки всемирно-исторические победы рабочего класса СССР, такие как: индустриализация, обеспечение крепкого тыла в Великую Отечественную войну и послевоенное восстановление хозяйства.

Следовательно, в сталинском СССР, на основе бурного развития средств производства, имела место наступательная тенденция развития коммунистических производственных отношений, которые и позволили преодолеть СССР отсталость и победить во всех войнах, развязанных империалистами против коммунизма. Главными инструментами сталинской стратегии внедрения коммунистических производственных отношений в практику, обеспечивающими растущую устойчивость СССР, были: а) борьба за рост образованности населения, в т.ч. фабричной молодёжи, б) наращивание объемов безналичных расчётов, в) неуклонное усиление требовательности к качеству централизованного планирования, что облегчало контроль за материальными потоками и сокращало возможности для махинаций и мошенничества любого вида.

Сложно представить среднего советского труженика образца 1980-х гг. в условиях решения задач, которые стояли перед страной в 1930-е — 1940-е гг. К концу XX в. перед нами предстаёт иное качество человеческого материала, сформированное порочной политикой XX — XXII съездов и самотёком мещанства.

Стало быть, область производственных отношений после взятия власти рабочим классом и национализации средств производства превращается в *арену классово-войсковой борьбы*. Это и есть форма

экономической борьбы рабочего класса в её подлинном смысле. А то, что левые называют «экономической борьбой» при капитализме, борьбой собственно рабочего класса не является, это лишь сопротивление пролетариев тирании предпринимателей, не сулящее без марксистского руководства ничего, кроме поражений.

Таким образом, многие сторонники марксизма не понимают, что Маркс писал об истории общества, бытие которого осуществлялось в основном *без участия научных знаний*, тем более, знаний объективных законов развития общества. Именно поэтому формы производственных отношений представляли в качестве не зависимых от сознания и воли людей.

Другим аспектом превратного понимания марксистского учения об обществе как форме материи является представление о том, что соответствие типа производственных отношений уровню производительных сил обусловлено, главным образом, степенью технологического развития орудий производства. Иными словами, естественно-историческая смена одного способа производства на другой происходила не в силу *развития человека и общества*, а по причине открытия и внедрения более совершенных орудий труда. Упускается из виду ключевое положение марксизма, что производительные силы — это в первую очередь люди известного уровня культурного развития, а уже потом — орудия производства, которыми *они сами себя* вооружили и которые *сами* приводят в движение.

Из этого следует ошибочное понимание диалектики зарождения нового в старом, т. е. коммунизма в эпоху капитализма.

Разумеется, речь не идёт о совершенно нелепых социал-демократических представлениях, что в базисе капитализма или параллельно с ним сначала должны сформироваться коммунистические производственные отношения, а затем надстройка

придёт в состояние соответствия новому базису. На такую топорную ревизию азбуки марксизма идут только самые оголтелые «розовые» проходимцы.

Напротив, мы говорим о хвостистской идее, что интересы пролетариата представляют из себя основание, на котором воздвигнутся производственные отношения коммунизма. Получается та же самая концепция — необходимо устранить паразитов-капиталистов и со временем трудящиеся сорганизуются в коммунистическую ассоциацию. Сюда же логически примыкают различные теориейки компьютеризации, роботизации производства, что подаётся, как самый надёжный способ гармонизации производственных отношений. Дескать, в СССР произошла реставрация капитализма в том числе по причине технико-технологической невозможности перехода к безлюдному промышленному производству в XX веке или отказа от кибернетических идей Глушкова и подобных.

Чтобы разобрать этот оппортунистический хлам, необходимо обратиться к материалистическому пониманию истории с самых его основ.

Итак, всем открытиям Маркса в общественной науке предшествовала положенная им в основу исследования *аксиома* материализма о первичности общественного бытия и производности от него общественного сознания. Вместе с тем, необходимо признать не только то, что общественное бытие порождает общественное сознание, но и то, что они *неотделимы друг от друга*. Как физиологически здоровый головной мозг человека порождает в условиях социума сознание, так и сознание невозможно без органа мышления, а мысли являются специфической формой биологической активности данного органа. Аналогично, бытие общества, т. е. его объективное существование, порождает общественное сознание, т. е. то, **что, как и почему** мы думаем в целом. Мыслить за пределами

объективной реальности, данной нам в ощущениях, разумеется, невозможно. При этом бытие общества невозможно без участия сознания, иначе это было бы не бытие общества, а бытие разновидности животной стаи.

Разделение общественного бытия и общественного сознания — необходимая научная абстракция, но в реальной жизни они составляют *неразрывное* тождество противоположностей. Общественное сознание есть свойство общественного бытия, как отражение — важнейшее свойство материи.

Категория «общественное бытие» охватывает *внутренние* материальные условия существования общества и содержит в себе три элемента — самих людей, как живых существ, все объекты материальной культуры человечества и всю целокупность отношений между людьми, возникших и непрерывно возникающих в процессе материального и духовного воспроизводства общества. Категория общественного бытия охватывает всё, что материально существует в качестве общественного в настоящий момент, и всё, что существовало ранее с момента выделения человека из природы. Общественное бытие — это и есть жизнь общества во всем её богатстве и многообразии прошлого, настоящего и грядущего будущего.

Общественное сознание является не просто свойством общественного бытия, но и его *моментом*, т. е. это не пассивно-созерцающее отражение, а активное воздействующее на материальные условия жизни общества мышление. Разумеется, сознанием обладают исключительно сами люди, как образующие новую форму материи живые существа.

Общественное сознание *порождает* индивидуальное сознание каждого человека, акты мышления которого в той или иной мере всегда предшествуют всем поступкам. В зависимости от своей значимости и влияния на общество, поступки людей образуют *общественную практику*, которая развивает общественное бытие по пути расширения границ среды обитания человечества, т. е. укоренения господства человека над природой, и по пути *оптимизации* взаимодействия людей между собой.

Общественное бытие вторично по отношению к бытию природы и космоса, границей между ними или *внешними* материальными условиями жизни общества является расширяющаяся по мере прогресса среда обитания человечества в виде космических, географических и биоценозных факторов.

Рассматривая общество с материалистической позиции первичности бытия и с диалектической позиции, т. е. беря его как форму материи в развитии, возникает вопрос, какая *сила* общественного бытия является решающей в социальном прогрессе?

Идеалисты в качестве источника общественного развития веками предлагали различные элементы общественного сознания — теории, мораль, веру.

Вульгарные материалисты, в свою очередь, искали эту силу во внешних, географических, условиях, в биологической природе человека, техническом совершенствовании орудий труда или копались в вопросах народонаселения.

Находились даже такие романтики, которые ставили во главу угла общественного развития различные типы личностных отношений, как-то любовную страсть или патриархальную субординацию.

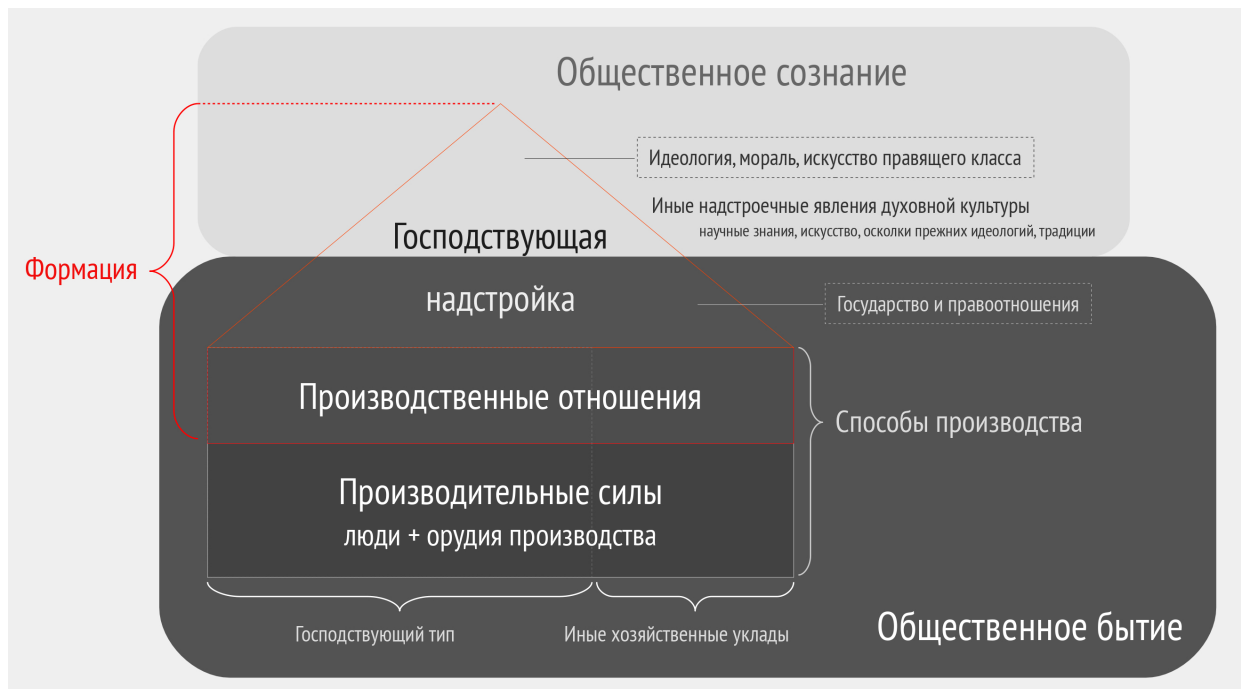
Только диалектика позволила увидеть в *общественных отношениях* ведущий элемент общественного бытия. Однако взять в качестве причины, определяющей общественное развитие, отношения между людьми недостаточно, т. к. палитра данных отношений весьма разнообразна, а немалая их часть по своему значению не способна влиять на развитие общества, а ещё большая его сковывает. Среди общественных отношений, возникших и возникающих в процессе материального и духовного воспроизводства общества, потребовалось выделить те, которые являются *первичными*.

Так, чтобы человеку существовать, первым делом ему необходимо питаться, иметь жилище, одежду, предметы обихода и орудия труда, стало быть, *обществу*, чтобы существовать, необходимо произвести данные блага. Значит, отношения между людьми, возникающие в процессе производства и, как следствие, распределения материальных и духовных благ, т. е. *экономические* или *производственные отношения*, образуют реальный *базис* общества, на котором возвышаются все остальные, надстроечные, социальные связи и явления духовной жизни.

При рассмотрении исторического процесса видно, что одни производственные отношения сменяются другими, более прогрессивными с точки зрения производительности и позволяющими употреблять более совершенные орудия производства с новыми производственными технологиями. Технико-технологические перевороты в средствах и орудиях труда всегда *предшествовали* изменениям производственных отношений. Из этого следует, что то, **как** люди соединяются в производственной деятельности, зависит от того, **какие** они по своему культурному развитию и **какие** используют средства производства, иными словами от того, **каково** качество *производительных сил* общества.

Очевидно, что развитие производительных сил является двигателем прогресса. Очевидно, что развитие производительных сил есть синоним действительного прогресса во всех сферах жизни общества. Однако рассмотрение производительных сил, т. е. трудящихся масс известного культурного уровня, вооружённых орудиями производства известного технического совершенства, без производственных отношений не имеет смысла, т. к. последние являются неотъемлемой частью процесса труда. Люди живут и трудятся исключительно коллективно, а на современном этапе развития общества производительные силы вообще принимают всё более всемирный характер. Отсюда следует, что производительные силы и производственные отношения составляют тождество противоположностей, называемое *способом производства*.

Именно способ производства является той *силой общественного бытия*, которая играет решающую роль в прогрессе, а производительные силы и производственные отношения — его сторонами.

У способа производства есть три сущностные особенности: **1)** способ производства, как говорилось выше, лежит в основе развития общественного бытия и, стало быть, общественного сознания, от него зависит образ жизни и, следовательно, образ мысли людей; развитие в способе производства и есть прогресс общества; **2)** ведущей противоположностью в способе производства являются *производительные силы*, они *первичны* — от качества людей и орудий производства зависит характер производственных отношений, последние способны лишь ускорять или замедлять развитие производительных сил; **3)** возникновение новых производительных сил происходит *внутри* эпохи господства старого способа производства, сначала производительные силы становятся новыми с технической точки зрения, т. е. возникают более совершенные орудия производства, вместе с этим наработывается новый производственный опыт, меняется мировоззрение части людей, а затем уже происходит переход от одного способа производства к другому.

Стало быть, история представляет собой процесс скачкообразного развития производительных сил и смену форм производственных отношений. Притом, история показывает не только саму по себе смену форм производственных отношений: их борьбу, утверждение новых и отживание старых (что и приводило к переворотам в области надстроечных общественных отношений), но и то, что новые производственные отношения устанавливаются не всегда в известной исторической последовательности — рабовладельческие — феодальные — капиталистические — коммунистические. Некоторые общества перепрыгивали рабовладение, некоторые феодализм, а отдельные — даже рабовладение и феодализм.

Вместе с тем, все исторические эпохи содержали в себе *многоукладность*, т. е. господствующий тип производительных сил и соответствующие ему производственные отношения соседствовали с отживающими производительными силами и формами производственных отношений, а также с нарождающимися производительными силами и производственными отношениями. Эта кажущаяся пестрота является предметом активной спекуляции буржуазных учёных, которые на основе выявленной социальной конфигурации процесса производства и распределения конкретных этносов и стран объявляют их образ жизни отдельной «цивилизацией», отвергая тем самым закономерность исторического процесса. Марксистское учение о способе производства, выраженное в знаменитом законе соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, позволило научно объяснить исторический процесс, т. е. не прибегать к химерам и спекуляциям.

Но основная сложность в усвоении данного учения заключается в *кажимости* того, что общественным развитием движет не человек (трудящиеся массы), а технико-технологическое совершенствование средств производства. Человеку обычно отводится роль борьбы за

свои интересы в условиях появления новых средств производства. Это упрощение, вполне допустимое при рассмотрении смен *эксплуататорских* способов производства, приводит к вульгарному пониманию перехода от капитализма к коммунизму.

Часто остаётся без внимания то, что все формы эксплуататорских производственных отношений представляют собой различные варианты *принуждения* либо *принуждения и обмана*. Феодалские производственные отношения есть замаскированное рабство — рабство в условиях более сложных орудий производства и производственных технологий. Буржуазные производственные отношения представляют собой то же принуждение к рабскому труду, но подкрашенное формально-юридическим равенством и «добровольностью», основанной на обмане (купля-продажа рабочей силы). Наёмный труд — рабство в условиях индустриального способа развития производительных сил.

Ни одна из этих трёх форм эксплуататорских производственных отношений невозможна без специализированных надстроечных учреждений, главным образом, насильственного характера. Государство и государственное принуждение (право) обеспечивает устойчивое функционирование эксплуататорских производственных отношений соответствующего формата, а идеологическая обработка в духе интересов и вкусов эксплуататорского класса обеспечивает покорность трудящихся масс.

Именно уяснение сущности и значения особого типа *общественных отношений насилия*, спаянных с инструментами *духовного порабощения*, возникших для сохранения господствующей конкретно-исторической формы производственных отношений, позволило выявить неразрывную связь, которую Маркс назвал отношениями базиса и надстройки. Единство конкретно-исторического базиса и необходимой ему надстройки называется *общественно-экономической*

формацией. Эпоха господства определённого способа производства и есть исторический период данной формации.

Если сравнить первобытно-общинную общественно-экономическую формацию с любой эксплуататорской общественно-экономической формацией (рабством, феодализмом или капитализмом), то мы увидим, что в надстройке первобытного общества отсутствует государство, а племенные учреждения функционируют на основе тотального признания их необходимости. Нет никакого принуждения, все первобытные люди живут и трудятся как один, племя составляет единый гармоничный общественный организм, в котором нет места индивидуальности, а за пределами него только позорная смерть. Для первобытного человека пожертвовать жизнью ради племени не является геройством, это даже не решение, а автоматическое действие, не подлежащее обдумыванию. Авторитет племенных и родовых учреждений — абсолютен. Подобная форма отношений между людьми возникла по необходимости выживания в суровых условиях низкого уровня развития производительных сил и наглядно демонстрирует, что человеческая перводанность выделилась из природного состояния.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему создал условия для специализации труда на преимущественно умственный и преимущественно физический (появился достаточный и устойчивый прибавочный продукт), что и являлось объективным требованием нового уровня развития производительных сил. Но появление подобного разделения труда не могло само по себе привести к зарождению частных отношений собственности и классов, т. е. эксплуататорских производственных отношений. В таком случае должен быть задействован какой-то обязательный фактор из области производительных сил. Этот момент почти всегда упускается из виду.

В современной марксистской литературе вместо изучения причин предлагаются отписки, составленные из описания исторического процесса, подобные этой:

«После первобытнообщинной формации в результате разделения труда и появления частной собственности возникли противоположность экономических интересов индивидов, социальное неравенство, общество развивалось в условиях стихийности. Оно вступило в антагонистический период своей истории. Люди стали закрепляться за определёнными орудиями труда и различными видами всё более дифференцировавшейся деятельности помимо их воли и сознания, в силу слепой необходимости развития производства. Такое разделение труда приводит к отчуждению от человека всех других видов деятельности, кроме сравнительно узкой сферы его труда. Создаваемые людьми материальные и духовные ценности, а также сами общественные отношения уходят из-под их контроля и начинают господствовать над ними. Все общественные формации, после первобытнообщинной (исключая будущую коммунистическую) основаны на эксплуатации и антагонизме классов» [та же «Энциклопедия марксизма»].

За кадром остаётся вопрос, почему появляется частная собственность и возникает противоположность интересов? Откуда взялись частные отношения собственности? С чего вдруг **объективно целесообразное при любом уровне развития орудий производства** общественное владение и распоряжение всеми факторами производства (людьми и средствами производства) заменяется на частное?

Энгельс исследовал этот вопрос в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», но остался, по сути, не услышанным современными теоретиками, которые предпочитают копаться в деталях приведённой классиком фактуры.

Когда мы говорим, что рабовладельческий способ производства был шагом вперёд по сравнению с первобытно-общинным, то под этим не имеется в виду ничего, кроме того, что при рабстве использовались более производительные орудия производства (включая покорение новых сил природы), в т.ч. со специализацией труда на управленческий и исполнительный, с выделением лиц умственного труда. Если же рассмотреть именно производственные отношения рабства по сравнению с производственными отношениями общинников, то ничего кроме отвратительного принуждения, обращения живых людей в орудия труда мы не увидим.

Итак, производственные отношения — это отношения между людьми в процессе производства и потребления материальных и духовных благ, т. е. в процессе **преобразования природы, преобразования самого общества и потребления (как личного, так и производственного) полученных в результате благ**. Последнее выражается в т.ч. в той доле общественных богатств, которая гарантируется каждому члену общества. Производственные отношения определяют в процессе производства: а) **что** делать, б) **как** делать, в) **порядок распределения** результатов труда.

Объективная сторона того, **что** и **как** делать, зависит от тех орудий труда, которые используются трудящимися и того тела природы или общества, на которые они направлены, иными словами, прямо зависит от уровня развития элемента производительных сил в виде орудий производства. Субъективная сторона того, **что** и **как** делать, зависит от производственного опыта, навыков непосредственных производителей и организаторского опыта и навыков управляющих, иными словами, прямо зависит от уровня развития элемента производительных сил в виде качества сознания людей.

Объективная сторона **порядка распределения** зависит от воспроизводства непосредственных производителей и управляющих в качестве самих себя, т. е. представляет собой необходимый минимум

потребления для выживания общества. Субъективная сторона порядка распределения (для личного потребления) возникает *только в условиях наличия устойчивого прибавочного продукта* (излишка) и зависит от уровня развития элемента производительных сил в виде качества сознания людей.

Этот третий момент производственных отношений и составляет формулировку отношений собственности — либо **общественная**, т. е. потребление (как личное, так и производственное) в пользу всего общества, либо **частная**, т. е. в пользу только какой-то *части* общества.

Вместе с тем, **порядок распределения**, как момент производственных отношений, влияет на субъективную сторону первых двух, т. е. того, **что** и **как** делать, т. к. определяет **цели** производственной деятельности людей. Разумеется, какая бы ни была волюнтаристская цель производства, она не может выйти за пределы объективной необходимости материального и духовного воспроизводства общества хотя бы примерно в том же состоянии, которое имеется в момент постановки такой цели, но любая **частная цель** производства (будь-то рабовладельца, феодала или капиталиста) в той или иной степени замедляет общественный прогресс, т. к. отступает от оптимума, от абсолютного закона коммунизма (**всестороннее развитие каждого, как условие всестороннего развития всех** или, иными словами, от задачи воспроизводства счастливого общества).

Из сказанного видно, что культурное развитие людей, т. е. качество их сознания, как элемент производительных сил в значительной степени определяет облик производственных отношений, и именно в нём необходимо искать причину возникновения частной собственности, классов и государства.

Таким образом, тот факт, что ручная мельница дала нам общество с сюзереном во главе, а паровая мельница — общество с промышленным капиталистом, указывает на определяющее влияние уровня развития средств производства **в условиях крайне низкого уровня собственно духовной культуры людей** — главной производительной силы.

Мало того, в эпоху перехода от бесклассового первобытного общества к первому классовому обществу рабовладельцев духовная культура людей содержала в себе **то**, что привело к насильственному отчуждению значительной части прибавочного продукта общества (в т.ч. с целью обмена между племенами), а затем и факторов производства в руки частных лиц, т. е. сделало факторы и результаты производства объектами **права собственности**. Вместе с тем, **то** же качество духовной культуры превратило особенности управленческого труда в классообразующий фактор. Никакая внешняя объективная сила не принуждала первобытных вождей и верхушку племени отказываться от коллективистских форм взаимодействия, превращаться в эксплуататорский класс, обращая сначала иноплеменников, а затем и соплеменников в рабов. Несмотря на то, что образование частных отношений собственности, а затем классов и государства представляли собой длительный естественно-исторический процесс, его причины коренятся именно в субъективном состоянии мировоззрения людей, а не в уровне развития средств производства, как это принято считать.

Рассмотрение духовного состояния людей, в котором сформировались частные отношения собственности, показывает, что законы пищевой цепочки животного мира явились для вождей и верхушки общин **примером** того отношения, которое позднее было названо частной собственностью. Акт личного потребления, например, приёма пищи, всегда происходит в форме **отчуждения** предмета потребления от всего остального общества. Если обратить психические ощущения от

такого акта (подобные тем, которые свойственны хищному зверю, который употребляет предоставленную в изобилии еду до тех пор, пока пищеварительная система не начинает отказывать) на общественные отношения по поводу различных благ, то мы получим частную собственность. Наиболее ценными благами являются средства производства, и после того как они попадают в частные руки, можно говорить о завершении процесса классовообразования.

Так, частная собственность — это формы производственных отношений, возникающих между людьми по поводу отторжения друг от друга материальных и духовных условий существования и развития, а именно: когда иметь что-либо в своем распоряжении можно лишь в том случае, если один субъект сможет отстранить другого субъекта от средств существования [«Словарь прорывца»].

Стало быть, наиболее последовательным выражением сущности частных отношений собственности является **людоедство**. Разумеется, людоедство рабовладельцев, феодалов и капиталистов осуществляется не путём буквального поглощения плоти трудящихся, но и не лучше — путём обращения бесценного времени жизни эксплуатируемых в богатство, праздность и разврат для этих паразитов. А то, что общество воспроизводится и развивается — совершенно побочный процесс от основных «производственных задач» людоедства. Более того, в современном империалистическом обществе рабочая сила миллиардов людей расходуется вообще на бессмысленное накопление имеющих денежное выражение «активов» пары сотен семей.

В этой связи ясно, что людоедство, каким бы цивилизованным оно ни казалось, является животным пережитком в человеке. Мировоззрение первобытных людей, сформированное сотнями тысяч лет хронического голода и холода, содержало в себе мощные атавизмы — инстинкты и рефлексы, наиболее значительный комплекс которых проявился в области общественных отношений в виде материального

интереса. Стремление следовать частному интересу, интересу семьи, группы, класса, не отличимое от животного инстинкта выживания, возобладало над конструктивными элементами мировоззрения, главным образом, управляющих представителей разлагающихся первобытных обществ. Они и начали обращать орудия труда, землю и людей в частную собственность, образовав для защиты своего **права** специализированную вооружённую силу — государство.

Таким образом, атавизмы в психике и мировоззрении людей стали причиной формирования и насаждения эксплуататорских производственных отношений. С этой точки зрения становится более понятен марксистский тезис, что социальный прогресс представляет собой всё большее **очеловечивание общества**, т. е. избавление его от животных пережитков. И смена производственных отношений рабства на отношения феодализма, а их, в свою очередь, — на буржуазные отношения, хотя и была сопряжена с тем, что непосредственные и опосредованные производители по своему примитивному состоянию были не способны управляться с более технически совершенными орудиями производства, но в первую очередь представляет собой процесс медленного освобождения от людоедской сущности эксплуатации. Со стихийным поднятием интеллектуального уровня трудящихся масс постепенно приходило уважение к себе, осознание хотя бы того, что трудящийся человек — это не говорящий осёл.

Далее, в аспекте значения субъективного в обществе следует отметить, что и такой элемент производительных сил, как орудия производства, не с неба сваливается, а является результатом изобретательности и познания окружающего мира самим человеком.

Вместе с тем, и эффективность способа организации труда (моменты производственных отношений: **что** и **как** делать) зависит от уровня мировоззрения людей, от того, насколько адекватно действительности (т. е. **научно**) они представляют себе тело природы и общества, на которое обращены орудия труда, и насколько их можно в этой связи

усовершенствовать. Иными словами, от научности мировоззрения (а «научность» — это не вид мировоззрения, а его **качество**) зависит поведение во всех смыслах общества в условиях борьбы с природой.

Современные мыслители марксистской школы никак не хотят понять, что развитие материи породило человечество с сознанием, человечество, **на основе** качества отражения (**сознания**), перманентно приводит объективные материальные факторы в **сознательно выработанные** формы движения, т. е. является производительной силой. Притом все отклонения сознания от объективных законов развития материи, в т.ч. самого общества, ведут к различным по масштабам провалам и катастрофам. Эти провалы и катастрофы постепенно усваиваются в качестве уроков истории и вынуждают сознание всё более целенаправленно искать адекватные действительности решения. Последние семь тысяч лет **основным** отклонением сознания от объективных законов развития материи является форма соединения людей в процессе материального и духовного воспроизводства общества, т. е. **формы производственных отношений**.

Человечество двигается вперёд посредством социальных антагонизмов, главным из которых является **классовая борьба**, не потому, что это предначертано судьбой развития орудий производства, а в силу, с одной стороны, крайне низкого интеллектуального уровня развития массы непосредственных производителей и, с другой стороны, крайне изощрённой подлости имущих слоёв и классов, подпитанной интересом.

Государственно-монополистическая стадия капитализма — это конец стихийного прогресса, дальше возможен только сознательный, научный, поступательный процесс очеловечивания, в т.ч. развитие производительных сил в полном смысле слова, т. е. включая самих людей.

Производительные силы в недрах империализма уже превратились в свою противоположность с технической точки зрения, т. е. стали общественными объективно, без чьего-либо желания или нежелания. Теперь они всеми фактами производственной и социально-политической жизни демонстрируют мыслящему человеку необходимость разорвать буржуазные производственные отношения, освободить их от капиталистического способа производства. Но в том-то и сложность, что вопрос здесь не только чисто политический — сформировать революционный рабочий класс, установить его диктатуру и формально обобществить средства производства необходимо, но недостаточно. Построить на месте буржуазных производственных отношений коммунистические — это не то же самое, что пролетаризировать ремесленников, крестьян или бывших рабов. Здесь никакого принуждения, угнетения, запугивания быть не может. Здесь нужно нечто куда большее и сложное, чем обучить писать, читать и даже управляться со станком с ЧПУ.

В идеале производственные отношения должны строиться всеми участниками сознательно с точным учётом всех необходимых пропорций качества и количества труда, применяемых орудий, используемых природных сил и самого тела природы или общества, т. е. быть основанными на **научном познании** процесса преобразования природы. Причём основополагающим условием такого рода отношений является **полная консолидация усилий всех членов общества** как залог внутренней бесконфликтности общества и гарантия расширенного его воспроизводства. Такие отношения полностью отвечают объективному закону планомерного и пропорционального развития общества. Процесс производства при таких производственных отношениях представляет собой научную реализацию плана сбалансированных пропорций объективных и субъективных элементов производства, взятого в целом, отвечающих технологическому требованию развития производительных сил в данный конкретный момент. И такие производственные отношения

можно считать **коммунистическими**, так как они удовлетворяют абсолютному закону коммунизма.

Орудия производства высочайшего уровня для подобных производственных отношений являются подспорьем, но не обязательным условием. Обязательным является, во-первых, научное познание того, **что** и **как** делать в соответствии с объективными законами производства на текущем уровне производительных сил, во-вторых, осознание всеми или абсолютным большинством трудящихся объективной необходимости полной консолидации усилий всего общества, каждого человека. Разумеется, когда после коммунистической революции производительные силы постепенно будут избавлены от преимущественно физического, рутинного, нетворческого труда, то многие психологические препятствия для утверждения коммунистического коллективизма исчезнут сами собой, но при этом ничто непреодолимое не мешает и при наличии грязной и тяжёлой работы развивать и культивировать коммунистический труд.

До постановки всего производственного процесса на научные рельсы говорить о полноценных коммунистических производственных отношениях преждевременно. Однако и при ненаучной организации процесса труда (**что** и **как** делать) вполне возможны неэксплуататорские, прокоммунистические производственные отношения. В таком случае осознание трудящимися объективной необходимости в полной консолидации усилий возможно не посредством поднятия мировоззрения до научного качества и преобразования на этой основе личности, а путём развития альтруистических начал в психике. Ведь естественный коллективизм человека купируется частными отношениями собственности, порождённой ими конкуренцией и антагонизмом индивидуальных и групповых интересов. Однако такого рода производственные отношения наблюдаются только в локальном виде, в семейном или общинном быту, а также в порядке увлечения (хобби). Например, их

прообразом является лучший вариант отношений в сообществе бескорыстно работающих разработчиков-энтузиастов бесплатного программного обеспечения.

При этом следует понимать, что переход от капитализма к коммунизму невозможен путём вырастания коммунизма из каких бы то ни было локальных примеров неэксплуататорских отношений, даже если они и производственные. Коммунизм вырастает исключительно из объективного, вопреки целям капиталистов, обобществления производительных сил, что получает соответствующее отражение в общественном сознании, особенно трудящихся, вызывая в конечном счёте необходимые формы классовой борьбы.

Вместе с тем следует отметить, что на первой фазе коммунизма нет и не может быть специфических производственных отношений социализма, напротив, происходит борьба производственных отношений коммунизма с некоммунистическими производственными отношениями, в т.ч. внутри социалистического сектора. Эти некоммунистические производственные отношения формально уже не эксплуататорские, т. к. эксплуатация ликвидирована, но фактически ещё не коммунистические, т. к. не удовлетворяют требованию абсолютного закона коммунизма и закона планомерного и пропорционального развития воспроизводства общества. Они сохраняются благодаря в том числе той самой мелкобуржуазной и пролетарской привычке работать поменьше, но стремиться получить побольше. По сути такие производственные отношения являются старыми, сохраняющими силу **буржуазными** отношениями в условиях первой фазы коммунизма.

Ранее было сказано, что моментом производственных отношений является **порядок распределения** результатов труда. Коммунистические производственные отношения предполагают **порядок распределения** результатов труда исходя из научного познания, т. е. в соответствии с абсолютным законом коммунизма.

Наилучшим условием такого распределения служит достижение изобилия в производстве материальных и духовных благ в масштабах, необходимых для создания среды полноценного творческого развития каждой личности. Однако и в случае отсутствия изобилия возможно выстроить эффективную систему распределения на основе принципа по потребностям.

При этом, неэксплуататорские прокоммунистические производственные отношения содержат в себе органичный для ненаучной организации производства способ распределения — **уравниловку**, который по известным причинам считается малопригодным на первой фазе коммунизма.

Сложность же перехода на низшей фазе коммунизма от примитивных форм распределения к высшей, коммунистической, заключается не в выработке какой-то хитроумной технологии распределения, а в формировании высокой, нематериальной мотивации к труду в виде **потребности** совершенствовать общество, создавать эффективные материальные предпосылки для развития общественных отношений людей. В итоге: при зрелом коммунизме производство и потребление (производственное и личное) станет абсолютно сбалансированным, т.е. всё производимое будет распределяться без потерь и внепланового избытка.

Вышеуказанный порядок коммунистического распределения результатов труда, будучи моментом производственных отношений, представляет собой общественные отношения собственности.

Так, **общественная собственность — формы производственных отношений, которые возникают между людьми на основе научного понимания ими общественной, а не собачьей сущности человека, на основе понимания того факта, что человек, как человек, может оптимально развиваться только в обществе, в котором отсутствует класс людей преимущественно**

физического труда, лишенный доступа к основным средствам производства условий существования. Отсюда следует, что каждый человек разовьётся в той же степени, в какой общество осознает эту необходимость. Общество лишь тогда окончательно выделится из животного стада, когда начнет сознавать, что расширенное воспроизводство общества есть следствие расширенного воспроизводства всех индивидов. Пренебрежение развитием одного индивида есть громадный вычет из потенциала развития общества, равный сознательному уничтожению Леонардо да Винчи или Ломоносова. Общественная собственность есть форма отношения между индивидами, возникающая по поводу обеспечения оптимальных материальных и духовных условий развития каждого индивида как условия развития всех индивидов. Первобытная форма отношений общественной собственности предполагала уравнивательные пропорции отношений индивидуальной собственности. Коммунистическая форма отношений общественной собственности предполагает необходимые пропорции отношений индивидуальной собственности [«Словарь прорывца»].

Вследствие всего сказанного выше ясно, что внедрение производственных отношений коммунизма в условиях диктатуры рабочего класса означает отрицание эксплуататорских производственных отношений на основе высокой научной сознательности и самодисциплины. Чтобы образовывать такие отношения, необходимо выковать из каждого трудящегося сознательного марксиста, а затем настоящего коммуниста. Никакого другого пути строительства коммунизма, кроме поднятия качества мировоззрения каждого человека до уровня научного и преобразования его личности в духе марксизма-ленинизма, не существует. Когда все люди будут трудиться с теми же мотивами, с той же искренностью и самоотдачей, которые были у Маркса, Энгельса,

Ленина, Сталина, Мао, Ким Ир Сена, Ходжи, Хо Ши Мина, Фиделя, их верных соратников и других великих революционеров, мы уверенно скажем, что наступила эра зрелого коммунизма.

Дополнительно следует отметить, что предварительной локальной моделью коммунистических отношений является организация коммунистов — Партия Научного Централизма. А от успешности построения внутрипартийных отношений данной авангардной организации рабочего класса напрямую зависит скорость приближения неизбежной победы Коммунизма во всём мире.